

ХАРЬКОВСКІЙ ДЕМОКРИТЪ.

ТЫСЯЧА ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛЪ!

Издаваемый Василіемъ Масловичемъ.

Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья.

И словомъ вижу я въ странѣ моей родной -

Журналовъ *тысячу*, а книги ни одной!

МѢСЯЦЪ МАРТЪ.

Х А Р Ъ К О В Ъ,

Въ Университетской Типографіи,

1816 года.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ, основываясь на донесеніи читавшаго сіе Сочиненіе Профессора Ивана Срезневскаго, печатать оное дозволяетъ съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ Публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ для Цензурнаго Комитета, два для Департамента Министерства Просвѣщенія, два для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Марша 3 дня, 1816 года.

Деканъ Гаеріиль Успенскій.

І.

П О Э З І Я.

І.

У Т А И Д А.

(*Колическая Поэма.*)

Содержаніе первой пѣсни.

Запѣи и Марья не имѣють дѣшей — ихъ горестъ — fortuna благоприятствуетъ Запѣю сыскать средство къ получению дѣшей — радость Запѣя и Марьи, произшедшая отъ сего — рождение сына и дочери.

Прощайте Музы, Аполлонъ,
Я докучаю вамъ перестану,
Предъ бабушку *Ягу* предстану
И позабуду Геликонъ.
Уже сѣдлаю *сивку* — *бурку*,
Не съ шѣмъ, чтобъ ѣхать на Парнассъ,
Я ѣду въ бабину канурку
Ея волшебный слышать гласъ.
О бабушка *Яга* сѣдая!
Своимъ вниманьемъ удостой,
Бандуру ветхую наспрой
Воспѣвъ чудеснаго *Утая*.
Да пусть сравнится онъ съ Бовою
И пусть Пѣлкана превзойдешь,

Позволь *Яга*, сему герою
Пройши чрезъ цѣлый бѣлый свѣтъ.
А ежели ему случится
И умереть иной порой,
Волшебною швоей водой
Пускай опять онъ воскресится.
И такъ, *Яга*, съ симъ договоромъ
Начну я сказку говорить,
Подъ бдительнымъ швоимъ надзоромъ
Я спану чудеса шворить.
Однакъ не обращай вниманья
На то, что часто мой спишокъ
Имѣть не будетъ сочешанья —
И будешь для ушей жестокъ.
Златой я *Бабы* не прикащикъ,
Не стихошворецъ — но разкащикъ,
Яга, швоихъ чудесныхъ дѣлъ! —
Я такъ *бандурилъ*, какъ умѣлъ.
Надѣюсь будешь всякъ доволенъ,
Кшо сказочку мою прочтешь,
Безсонницей не будешь болѣнь,
А шощь часъ крѣпкимъ сномъ уснешь.
Въ лѣсу густомъ была-избушка,
А въ ней
Жилъ дѣдъ *Зашѣй*,
Да *Марья*, добрая старушка.
Зашѣй съ старухой ладно жили,
Довольны и богаты были,
Имѣли много куръ, коровъ,
Собакъ, индѣекъ и кошовъ,
Лошадку, ушокъ и гусей,

Но не имѣли лишь дѣшей —
И въ мрачной отъ того печали
Остатокъ жизни провождали.
И цѣлый день и цѣлу ночь
Съ старухой дѣдъ въ большой кручинѣ;
Имѣть старуха хочешь дочь,
А дѣдъ все думаетъ о сынѣ.
Зашѣй зашѣйникъ былъ удалой
И прозванъ отъ того Зашѣй,
Однако былъ въ надеждѣ малой
Имѣть съ старухою дѣшей.
Онъ долго думалъ и прудился
И какъ хитръ, ни былъ, ни удалъ,
Ужъ онъ пихѣлъ, крехѣлъ, морщился,
Но не имѣлъ чего желалъ,
И до сихъ поръ все былобъ впунѣ,
Когда бы не значай форшунѣ,

Играя въ жмурки,

Не зацѣлишь его канурки.
Извѣстно всѣмъ, когда кто съ сею
Сведеть знакомство госпожею,
Топъ, что ни вздумалъ, все шворишь.
Пришлалъ охота рушить грады?
Онъ грады рушить и валишь,
Безъ всякой жалости, пощады.
Иль вздумалъ быть царемъ вселенной?
Вѣнцемъ онъ мигомъ украшенный

И государь государей.

Зашѣй

До царства не былъ лакомъ
И о вѣнцѣ не помышлялъ.

Онъ бывъ съ рогатымъ, круглымъ знакомъ
За щастіе не полагалъ.

Сей дѣдъ имѣлъ довольно полку
И былъ своей избушкѣ радъ,
Имѣть желалъ ребяшокъ двойку,
А не вѣнца и не палашъ.
Фортуна хоть слѣпа,

Глупа,

Кого однакожь обласкаешь,
Тотъ все имѣешь, что желаетъ.

Зашѣй

Имѣть желалъ дѣшей
И средство ихъ имѣть находишь,
Вдругъ странна мысль ему приходитъ,

Чтобъ угодиться насѣдкѣ

И изъ ушинаго яйца

Имѣть пшенца!

Мысль эту Марья объявляетъ,
Ее цѣлуешь, обнимаешь,
Короче: въ радости такой,

Въ какой

Бываетъ Секретарь
Иль всякой вообще подъячій,
Когда получить будто въ даръ,
Какъ говорятъ, кусокъ горячій.
Дѣдъ съ Марьей, послѣ цѣлованій
И послѣ долгихъ обниманій,
Яицъ ушныхъ принесли,
Не пару — чуть-ли не десятокъ,
Вотъ какъ они имѣть ребяшокъ
Желали! и потомъ снесли.

Снесли!

О какъ легко сѣе мы слово,
О какъ легко произнесли!
Какъ будто все уже гошово:
Хоть сказка скоро говорится,
Да въ сказкѣ скоро не вершишся,
Какъ сѣлъ на яйца, потерии,
Ночь, двѣ и больше не поспи,
Претерпѣвай различну муку,
Досаду, голодь, жарь и скуку,
Сиди на мѣстѣ, распотѣй
И шевельнущься не посмѣй.

Ужъ день сидять мои Герои,
Сидять и ночь и день другой,
Но нѣтъ надежды никакой,
Какъ словно Грекамъ подлѣ Трои.
Проходятъ девять ужъ ночей
И столькожъ дней,
Но нѣтъ дѣтей.

Десята наступила ночь,
Яйцо подъ Марьей разрѣшилось,
Ея желанье совершилось
И Марья получила дочь.
У женщинъ видно больше жару,
У женщинъ видно больше пару,
Чѣмъ въ нашей браньби у мужчинъ.
И вотъ причина, что не сынъ,
А вышла дочь на свѣтъ скорѣе;
Вы, женщины, мужчинъ жарчѣе.

Прошло парь нѣсколько часовъ,
Прошли не наши, а такіе

Часы огромные — какіе
Находясь у должниковъ,
А можетъ быть и ешихъ шире;
Но нѣтъ! я вамъ гоповъ божишься,
Сіи часы съ часами ихъ
Никакъ не могутъ уравнишься.
Ихъ часъ бываетъ дней въ четыре,
Въ недѣлю, въ мѣсяцъ, въ цѣлой годъ. . . .
Но лучше — ка зажать намъ ротъ
И къ симъ часамъ неприкасаешься,
Должникъ бываетъ лихъ,
Еще онъ вздумаетъ за нихъ
Прицѣнку сдѣлать и ругаться.
Читатели, прошу, простите,
Впередъ не стану отступать
И, еслили слушать вы хотите,
Опять начну я продолжать.
Мы всѣ имѣемъ недѣсташки,
У всякаго есть свой порокъ:
Подьячій братъ охотникъ въяшки,
Философъ любитъ винный сокъ,
Пѣвецъ Утая отступленья,
Педантъ безъ умолку кричать,
Иной чужія сочиненья
На свой манеръ пересказывая,
Льстецъ радъ предъ бариномъ большимъ
Хоть въ при погибели согнуться,
Когдажъ ученыхъ два сполкнутся,
То въ цѣлыхъ не осматся имъ:
На вѣрное что подерутся. . . .
Но нѣтъ! довольно отступать,

Я слишкомъ далеко опбился,
Ужь можете быть, — кто можете знать —
И дѣдъ Замѣй нашъ разрѣшился.
Онъ бѣдный потерялъ шерстяные,
Яйцо съ досады раздавилъ
И эшимъ самымъ ускорилъ
Сынка любезнаго *Роденъ*!!

Мслвчъ.

2.

И Н Т Е Р Е С Ъ.

(*С а т и р а.*)

Ученые умы! позволите мнѣ узнать,
Доколь вы будете намъ книги издавать?
Доколь будете, запершись въ кабинетѣ,
Черниломъ убѣлять пьму сущую на свѣтѣ?
Ужь и безъ васъ давно всѣ люди говорятъ,
Кто праведенъ, пошь правъ — кто грѣшенъ, ви-
новать,
Вы жь ештли смыслите, такъ покажите сред-
ство,
Какъ можно избѣжать на свѣтѣ живши бѣдства?
А ешть ли и сего нельзя ужь вамъ сказать,
То хоть скажите намъ, кто злу всему ешть
машь?

Законъ слабые, одинъ насъ увѣряетъ,
Примѣры вредные, другой предполагаетъ,
Но претій возразивъ съ досадою вопіетъ,
Ошь *роскоши* всё зло произошло на свѣтѣ —

Поклонъ мой симъ умамъ и мыслямъ ихъ вѣр-
нѣйшимъ,
Поклонъ всеѣмъ авторамъ Викарїямъ первѣйшимъ.
Я твердо вѣрую и присягну сей часъ,
Что книги ихъ нигдѣ не учать худу насъ,
Но кто читая ихъ ужъ плохо нынѣ видишь,
Тотъ не ужель мужей великихъ тѣхъ обидишь,
Что и свою имъ мысль приложитъ для суда?
Спросишься, кажешся, не есть еще бѣда;
Одинъ лишь Аруэтъ себя той спесью славиль,
Что постороннїе умы въ умы не ставиль,
А я такъ думаю, что тѣмъ не погрѣшу,
Когда умнѣй себя о чемъ ни есть спрошу?
А имянно, вошь что мой умъ не постигаешь,
Не *интересъ* ли зло на свѣтѣ все раждаешь?
Не онъ ли главная причина есть тому,
Что безъ грѣха прожить не можно никому?
Самъ дьяволъ, гдѣ ко злу все средство поше-
ряетъ,
Въ пособїе его всегда употребляетъ.
Припомнише, когда ходилъ онъ за Христомъ
И царство показалъ богатое перстомъ,
Употреблялъ свои всѣ хитры покушенья,
Чтобъ сына Божїя довести до искушенья,
То милость обѣщаль, то милости просилъ
И наконецъ съ стыдомъ во адъ отосланъ былъ;
Припомнише, какъ вся тогда геенска сила
Подпоры болѣе ни въ чемъ не находила,
Но злой вишь Вельзевуль и лупъ не позабылъ,
Что *интересъ* еще ему на помощъ былъ:

Прибѣгнуль къ сладкому сему для смертныхъ
яду

И къ кознямъ новья доставиль средства аду.
Въ чемъ самъ духъ хитростей успѣшь никакъ
не могъ,

Увы! въ томъ интересъ пошь часъ ему помочь.
Прельщенъ Гуда имъ и преданъ богъ на муки,
О интересъ! твои его убили руки. —

Но остановимся о томъ мы продолжать,
Чего безъ ужаса не лзя воображать
Разсмотримъ лучше связь дѣлъ намъ людей по-
добныхъ,

Разумныхъ, дураковъ, святыхъ и преподобныхъ.
Разсмотримъ пахаря, у коего всѣ дни
Въ предмѣстѣ съ тернѣемъ загоны лишь одни:
За чемъ онъ шрудился? за шѣмъ ли, чтобъ ора-
ломъ

Чинъ выпакать себѣ и выпши Генераломъ?
Иль силится чрезъ шо добиться ко кресту,
Имѣя круглой годъ лице свое въ пошу?
Иль хочешь онъ святымъ содѣлаться отъ плуга?
Иль лестно для него названье царска друга?
Нѣтъ! онъ охопою и въ старосты нейдѣтъ;
Такъ чтожь причиною такихъ его работъ?
Первѣйшая, чтобъ ѣсть, другая, денегъ болѣ
Желается ему достать чрезъ плугъ и поле.
О интересъ! и шуть ты поже интересъ,
Твой видно и въ пыли блескъ яркой не исчезъ;
Но пущь шо хорошо, что ты къ шрудамъ охо-
пишь,

Да чѣмъ же послѣ намъ за тѣ пруды за пло-
пишь?

Привычкой къ жадности, привычкой къ грабежу
И что то истинна я твердо докажу.

Боишься, на примѣръ, въ поспы бѣшь пахарь съ
соколь

И масломъ щи подбить щипаешь онъ порокомъ;

Боишься избранить кумы своей куму

И хлѣбъ собакѣ дашь. что нищій клалъ въ суму;

Боишься крестъ спереть написанный въ кре-
щенъе,

Боишься ворона убить въ своемъ селенъи;

Боишься курицы, что пѣла пѣшухомъ

И голубей стрѣлять щипаешь онъ грѣхомъ;

Охотнѣе готовъ съ своимъ распашься домомъ,

Чѣмъ погасишь пожаръ, заженный въ ономъ гро-
момъ;

Боишься мѣльниковъ, боишься ворожей,

Боишься мершвецовъ, боишься распаней;

Короче, онъ всего боишься — уступаешь,

Гдѣ только инпересь его не воружаешь,

А для него готовъ и вдовѣй лугъ скоסיшь

И въ полѣ сиропу копною задѣлишь;

Готовъ за сношъ одинъ вонзись сосѣду вилы:

Вопь какъ и набожнымъ душамъ прибытки милы!

Разсмотримъ и купца, кошорый и гроша

Съ тѣмъ въ руки не возмешь, не здѣлавъ ба-
рыша,

Что рыба безъ воды, распѣнѣе безъ влаги,

Хвастунъ безъ языка, подъячій безъ бумаги,

То почно и купецъ безъ инпереса есть:

Онъ божество его и жизнь его и честьъ.

Отъ полюса пройти до полюса друга
Не полѣнишься онъ для барыша большова;
А вѣра и законъ ни что сушь для него,
Коль нѣтъ ему отъ нихъ прибышку ничего.
Купецъ для барыша не только къ аду ближе,
Но и за адъ еще готовъ спуститься ниже
И естелибъ въ шаршарѣ публиковать подрядъ,
То точно бы онъ шамъ былъ торговаться радъ.
Попробуйте открыть вдругъ предъ его гла-
зами

И рай, небесный домъ и биржу съ кораблями
И посмотрите, что скорѣй его займешь,
Жилище ли святыхъ иль торгъ и оборотъ?
Единъ богъ безъ грѣха, вошь что, вдохнувъ,
онъ скажешь

И въ залъ купеческой веси себя прикажешь.
Тамъ смоляной машрозъ и шкипетръ съ кол-
басой

Пріятнѣй для него, чѣмъ Авраамъ святой:
На что о будущемъ шакъ рано занимаешься?
Въ могилѣ, скажешь онъ, успѣемъ належаться.
Разсмотримъ барина, которой вопіешь,
Что Ной по грамотѣ опцу его есть дѣдъ,
Что предокъ былъ его при штурмѣ Ерихона.
А потому и гербъ его съ мечемъ корона,
Что за опечество, за вѣру и любовь
Готовъ охотно онъ пролить до капли кровь:
Разсмотримъ мы его по ближе и по тѣнѣ,
Что есть опличнаго въ кичливой сей персонѣ?
То правда, что онъ есть въ опечествѣ потъ
члеть,

На коемъ главной руль правленья укрѣплень,
Вѣпръ съ поля безъ него шакъ сильно въ парусъ
дунеть,
Что весь гражданской грузъ пошь часъ на ка-
мень сунешь,
И чтобы чернь была въ связи какъ дворъ одинъ,
Необходимъ въ такомъ дворѣ есть дворянинъ.
Многоразличныя правленья суть машины,
Имѣють колеса, валы, зубцы, пружины,
Что всё хошь государь и мудро соорудилъ,
Но нуженъ человѣкъ, чтобы въ срокъ ихъ заво-
дилъ,
А иначе пошь часъ всё двигашся престанеть,
И гиря и законъ лежать безъ дѣйства спанеть.
А кто пошь человѣкъ? не нужно толковать,
Ни какъ его зовуть, нигдѣ его сыскать,
Извѣсны всѣмъ его и имя и порода,
Извѣсны, но увы! въ семьи не безъ урода:
Коварной иншересь и эшу чисту кровь
Умѣешь очернить черезъ свою любовь.
Не рѣдко офицеръ, имѣя алчность къ злапу,
Не полной выдаетъ паёкъ муки солдапу,
И тамъ уже, гдѣ всё извѣшено лошь въ лошь,
Старается найти на перезяхъ походъ.
Не рѣдко комендантъ, дарами обольщенной,
Безъ совѣсти здаеть редушь, ему врученной.
Не рѣдко Генераль, для равной же вины,
Перемѣняешь ходъ щасливия войны.
И бывъ неуспрашимъ среди карпечъ летящихъ,
Робѣешь и бѣжишь отъ палеровъ блестящихъ.
Увы! отечество, увы! и ты законъ,

Не слышимы вы шамъ, гдѣ слышенъ денегъ
звонъ.

Но это лишь въ войнѣ, по чпожь увидимъ далѣ,
Когда явимся мы въ судѣйской мирной залѣ?
Тамъ алчной Секретарь, не дѣломъ упружень,
А мздой виновника великой убѣждень,
Ворочаетъ листы, перебираетъ числа,
Спараясь въ нихъ найши указа разны смыслы,
Дабы чрезъ то не онъ законы исполнялъ,
А дѣлалъ по законъ, что Секретарь сказалъ.
Короче объяснишь, сей извергъ государства
Законъ чтеть за царя безъ подданныхъ и цар-
ства,

И имъ, какъ мышьякомъ, и лѣчишь и мертвишь,
Смотря по пошому, какъ интересъ велишь.
А выбранной судѣя дворянскими балами,
Не занимается казенными дѣлами,
Сидишь и думаешь, какой бы взять предлогъ;
Чтобъ и его въ пять цифръ длиною былъ итогъ;
Сидишь — но Секретарь, замѣтя планъ су-
дѣйской,

Подходитъ съ важностью, яко посоль Индѣй-
ской,

И говоришь ему: обрядъ не ешь законъ,
И такъ я думаю, что время выйти вонъ,
Понеже сбившіесь просители, какъ туча,
Желають выхода, присудствіемъ наскуча;
Законѣжь вамъ веляишь и дома то читашъ,
О чемъ намѣрены въ судѣ вы разсуждать,
И не за шѣмъ они насъ здѣсь опредѣлили,
Дабы мы, правя судъ, безъ прописанья бѣди.

Въ присягѣ мы клялись, чтобъ съ вѣрностью
служить,
Но въ ней не сказано, чтобъ намъ ни цѣль, ни
цѣль.

Жиды и не служа, но Руско достоянье,
Въ аренду взявъ, себѣ имѣють пропишанье,
А правды сыщику на что о томъ шужить,
Что нѣчѣмъ лишній ноль къ итогу приложить.
Спросите лишь о томъ проворную персону,
То есть Секретаря — яко ключа закону,
А съ нимъ, распорядя предбудущій итогъ,
Поможетъ точно вамъ въ желаніи самъ Богъ.
Дѣлите въ молчаніи. . . и дашеля оправить
Есть явужь, что грѣшника въ погрѣшности ис-
править,

А кто на то подаетъ въ присудствіе извѣсть,
Тотъ безъ сомнѣнія въ оспрогѣ пропадетъ.
Указъ о ябѣдѣ довольно средствъ доставиль,
Чтобъ всякой судія, служа, свой цѣль сосла-
вилъ,

И такъ, держитесь лишь меня во всѣхъ дѣлахъ,
Совѣтъ мой право вамъ, на щотъ итога, благъ.
Вотъ какъ хранители закона поступають,
Вотъ дворянина какъ прибытки повреждають
Разсмотримежь шеперь и паспырей церквей,
Которымъ поручень ключъ царствія дверей;
Фонъ Визина слуга ихъ правда ужъ превожиль,
Но шолько совѣсть ихъ нимало не умножилъ;
Осталося у нихъ, и по сѣе число,
Одно и шожъ въ рукахъ для паспыи ремесло,
То есть: они людьми, какъ куклами, играютъ

И, міру миръ моля, міръ съ миромъ обдирають:

.
.
.
.
.
.
.
.

Чтожь? шо ли дѣлать имъ велѣль Творецъ небесъ?

Опнюдь не шо, семужь причиной иншересь;
А безъ того, на чтобъ учителямъ спасенья
Червонцы доводишь свои до ушѣсененья
И экипажъ имѣшь шакой величины,
Коль двери райскія въ аршинъ лишь ширины?
На что имъ покупать подъ бронзою камоды,
Когда на небесахъ на нихъ совсѣмъ нѣшь моды?
И хипрые замки на что къ нимъ прибирашь,
Коль въ небѣ и воровъ не лзя предполагать?
О золь всѣхъ оберъ зло! поносной иншересь!
Тобой адъ движится, шобою крѣпнокъ бѣсь,
Ты, будучи царемъ надъ шаршарской геэяной,
Пороки распустиль надъ цѣлою вселенной.

3.

О Д А

На миръ Европы, превращенная въ
баснь. (*)

Тутъ поздно бѣдный волкъ примѣшилъ,
Что черезъ чуръ перемудрилъ;

Л о м.

Оставимъ, Муза, басни, сказки,
Опложимъ дудку и гудокъ;
Попросимъ-ка у Феба ласки
И купимъ лиру на часокъ,
Кленовую, не дорогую:
Гдѣ денегъ взять на золотую?
Нѣтъ, золошая не по насъ;
Она громка, съ ней бѣдъ настроишь,
Кого нибудъ обезпкоишь,
Тогда полчка намъ дастъ Парнасъ.

*

Припомъ же, ежели случится
И худо на простой сыграшь,
Ни кто сомной не побранишь,
Всѣ скажутъ: „онъ невиновашъ!
Не можно ждаты прѣшна шона
Отъ лиры, сдѣланной изъ клѣна.“
А ежели жъ удастся намъ
Сыграшь хотя немножко плавно,
Всѣ скажутъ: славно, славно, славно;
Тогда честь нашимъ головамъ.

*

(*) Напечатана въ первый разъ въ началѣ 1815 года.

И такъ ты, Муза, потрудися,
Воды Кастальской принеси, —
Предъ Фебово лице явися,
Благословенья попроси.
А я пойду за лирой въ лавку,
Двухъ мальчиковъ: Филипку, Савку,
Спрямглавъ я къ Рифмину пошлю.
Быть можешь рифмъ словарь исправный
Уже окончили Рифминъ славный:
Такъ я себѣ его куплю.

*

Я здѣсь всёмъ нужнымъ запасуся,
Достану перьевъ и чернилъ,
Въ свой темный погребъ опускаюся
И принесу вина бушмель.
Чтобъ вкусъ Кастальской премѣнился,
Въ напитокъ рѣзвый превратился,
Смѣшаю воду я съ виномъ,
И выпивъ все — ужъ по-по Оду
Въ честь брякну Рускому народу:
Ей! не ударю въ грязь лицомъ. —

*

Ужъ принесла воды мнѣ Муза,
А я давно вина принёсъ:
Смѣшаемъ, выпьемъ и — Француза
Пускай колотить храбрый Россъ.
Скорѣ строй мнѣ, Муза, Лиру,
Чтобы воспѣшь миръ данный мѣру...

*Q

„Какъ, какъ? — ты хочешь миръ воспѣть?
Такъ Муза мнѣ въ оплѣтъ сказала —
И въ изумленьи продолжала:
„Въ шебѣ ума конечно нѣтъ.

*

„Тебѣ ли миръ сей славословить,
„Тебѣ ли, съ чадной головой,
„Когда Исторья не находишь,
„Кому бы прудъ вручишь шакой?
„Тебѣ ль — (о дерзосно желанье!)
„Тебѣ ль воспѣть сіе дѣянье?
„Когда и шворческимъ умамъ
„Дано сему лишь удивляться,
„То какъ же за сіе приняться
„Тебѣ подобнымъ головамъ? . . .

*

„Смотри: Державинъ, Горчаковы
„И Дмипріевъ и Карамзинъ,
„Капнистъ, Жуковскій, Мерзляковы;
„Всѣ, всѣ молчатъ; — и ни одинъ
„На лирѣ мира не бряцаешъ;
„То какъ смѣшно, когда желашъ
„Его М. жалкій пѣть!
„Не будь въ намѣреньи семъ швѣрдимъ,
„Не мучь ушей ты людямъ добрымъ,
„Надъ Одой перешамъ пошѣть!“ —

*

Изволишь правду, Муза, баишь ;
Хотя за лиру денегъ жаль ,
Но чтобъ себя не обезславить ,
Не лучшель бросить эту шаль ? —
Примуся лучше я за дудку
И вмѣсто грозной Оды — въ шутку
Я людямъ басеньку скажу.
Я рѣчью убѣжденъ швоею ,
Разставшись съ лирою моею ,
Тебѣ послушность окажу.

*

И такъ, Чипашели почтенны,
Я оставляю лирный тонъ ;
Когда вы имъ не упоменны,
Скажу вамъ басню про Огонь .
Но что бы гладко было, плавно ,
Я буду наблюдать исправно
Мной въ Одѣ начатый размѣръ .
Такъ баснь писать бы негодилось ,
Но что же дѣлать? такъ случилось ,
Перемѣишь нельзя шеперь .

*

Подъ старымъ, дряхлымъ Черноклѣномъ
Въ лѣсу забывъ былъ огонѣкъ :
Онъ чуть лишь шлѣлъ и съ жалкимъ стономъ
Прервань збирался жизни шокъ .
Но вѣтеръ вздумалъ разыгратъся ,
Сталь на кулачки съ кленомъ драшъся :

Онъ дѣда сильно шакъ шузиль
Въ бока и ребра, въ грудь и рожу,
Что съ черноклена содраль кожу,
Да сукъ въ добавокъ опломиль.

*

Сей сукъ по щастью иль нещастью
И вмѣстѣ съ кожей иль корой,
Спаль лѣсу цѣлому напастью.
Сей сукъ, для лѣса роковой,
На огонѣкъ съ корой свалился:
Огонь въ минушу оживился,
Забыль сушяга умирашь,
Онъ думаль, какъ бы поскорѣе
Да разгорѣлся по сильнѣе
И дряхлый черноклень сожрашь.

*

Ужъ черноклень нещастный пышетъ,
Трещитъ и испускаетъ дымъ:
Огонь мой глухъ — его не слышитъ,
Онъ, какъ бы, думаешь, къ другимъ
Пожаловать деревьямъ въ гости.
Вдругъ началъ прыгать въ адской злости,
То шупъ, по шамъ, по вонъ-гдѣ, здѣсь:
Зажжеть по липу, ясень, лозу,
То ольху, дубъ иль вязь, березу. . .
Короче жжеть онъ цѣлый лѣсъ.

*

Тутъ дерзостямъ его препоны
Не находилось ни какой,
Онъ сжегъ деревьевъ миліоны!
И путь потомъ направилъ свой
На села, городки и грады,
Всё изпребляя безъ пощады.
Ахъ сколько птицъ, скоша, звѣрей
Отъ пламени его пропало
И сколько чрезъ него не сталъ
Крестьянъ, мѣщанъ, Дверянъ, Князей!

*

Онъ въ лютомъ буйствѣ всю вселенну
Хотѣлъ во пламень обратишь,
Преобразишь ее въ Геенну;
Къ рѣкѣ снѣ вздумалъ подслушишь.
„Смирись, рѣкѣ, сказалъ надменно,
„Или погибнешь непремѣнно;
„Тебя по свойски проучу.
„Лишь только пасть мою разину,
„Тебя разспрою, опрокину,
„Въ ничюжество преобращу.

*

„А естли мнѣ явишь покорностьъ,
„Наложишь на себя дремь:
„Во мнѣ всегда найдешь готовностьъ
„Щецись о щастїи нѣоємъ.“
— , Оставь, огонь! слова надушы,
„Такъ говоряшь лишъ только шуны,

„Словамъ такимъ цѣны здѣсь нѣтъ;
„Рѣчей шакихъ здѣсь не боится,
„Опъ сердца стануть имъ смѣяться.“
Рѣка сказала такъ въ отвѣтъ.

*

Огонь съ рѣкою тушь связался,
Онъ такъ ужасно грѣлъ рѣку,
Такъ быстро на нее бросался,
Что сдѣлалъ рану ей въ боку.
Вспунилъ въ рѣчные онъ предѣлы
И въ сердце спалъ пускалъ ей спрѣлы.
Узнавъ сосѣди вѣсть сію,
Вострепешавши изумлялись —
И съ малодушіемъ собирались
Запречь въ яремъ главу свою.

*

— Но былиль чудеса такія
И кто, скажите мнѣ, видалъ,
Что бы глубокія, большія
И быстры рѣки огонь сжигалъ?
Рѣка скопивши воды черны
И раздѣлясь на многи волны,
Надувъ обширный свой хребетъ,
Мушится, шумитъ, реветъ, буншуетъ,
Валишь — въ огонь съ презрѣньемъ плюетъ
И что огонь? — его ужъ нѣтъ!

*

Рѣка нашъ АЛЕКСАНДРЪ — опрада!
Но кпожь надменный сей огонь?
„Несытое исчадье ада,
„Чудовище — Наполеонъ!
Которой *Бонькою* зовется,
На Эльбѣ мучится, прячется,
Что не сгубилъ людской весь родъ,
Бѣснуется, не спитъ, скрежещетъ,
На всѣхъ косые взоры мечетъ. . . .
„Такъ наказуетъ злыхъ Господь!

Мслвчъ.

Б А С Н И.

4.

Проловъдъ и Басня.

Валишь народъ, валишь полною,
Вспрѣчается народъ съ богатой Госпожою,
Блеститъ на баринѣ нарядъ,
Гордится бариня нарядомъ,
Ни съ кѣмъ себя не спазитъ въ рядъ
И удоспоишь чернь своимъ не хочешь взгля-
домъ.

И подлинно! ужъ есть похвастать чемъ:
Украшена всѣмъ пѣмъ,
Что только нынѣ
Въ своемъ старинномъ магазинѣ
Могла для ней Мадамъ Рицорика сыскать.

Уборъ такой мнѣ врядь ли описатьъ;
На головѣ не чепчикъ, — хрїя,
Въ фигурахъ плашье все, фигурыжъ эти всѣ,
Повѣрьте мнѣ,
Работы масперскія;
Ихъ выдумаль какой-то Грекъ,
Искуснѣйшій въ семь дѣлѣ челоувѣкъ.
Въ рукахъ, на мѣсто опахала,
Пукъ троповъ модница держала
И гордо Проповѣдь на фижмахъ выступала.
На встрѣчу дамъ изъ села,
За чѣмъ то, басенка брела:
Одѣта не по барски,
А просто по крещьянски,
Но такъ къ лицу, что мило поглядѣшь:
Желаль бы, кажеться, съ ней жить и умереть.
Туть всѣ простилися съ нарядной Госпожою,
Котора столько ихъ заспавила зѣвать,
Всѣ къ басенкѣ спѣшатъ,
Ея предѣстною любуютъ престою.

Нахилловъ.

5.

Голубь и Воронъ.

Мальчишка грязю на Голубя бросаль
И перья бѣлыя ему онъ замараль.
Сіе увидѣвши, сказалъ ему такъ Воронъ,
Злой радости, восторга полень:

Теперь ты Голубокъ, какъ всѣ Вороны, черонъ! —
Но съ пѣмъ различіемъ — былъ Голубка онъ —

вѣшь:

Вы черны за всегда — умоюсь я, и — нѣшь! —

Не добродѣтель ли намъ Голубъ предсшавляетъ,
Которую марашъ злорѣче желаетъ?

6.

Волкъ въ пастушьемъ нарядѣ.

Лишь только скрылся дневный свѣтъ,
Задумалъ ужинъ Волкъ имѣть:
Въ пастушье платье нарядился,
Широкой шляпою прикрылся,
Доспалъ и посохъ и свирѣль,
На лапы задни лапши вздѣлъ,
Повѣсилъ на плечо баклагу,
Къ овцамъ изъ дѣсу даль онъ тягу.
И что же? вошь ужъ онъ и шамъ,
И, какъ прилично всѣмъ верамъ,
На всѣ сторонки озирался;
Узнавъ, что три собаки спяшь,
Пастухъ съ пастушкой разоснался.
Онъ стадомъ могъ распоряжатъ,
Такъ нѣшь, еще шшукарить нада,
И чемъ овецъ бы глупыхъ вѣшь,
Онъ вздумалъ разговоръ завести,
Чтобъ кой-что распросить у стада.

Но шолько лишъ разинуль рѣнь. . . .
Какъ вдругъ: *Буянь, Разбой, Отлѣтъ,*
Проснулись и — схватили Волка:
Въ нарядѣ онъ бѣжашъ не могъ,
А между шѣмъ пастухъ Николка
Свалиль его дубиной съ ногъ!

* *
*

Къ сей басенкѣ — правоученья
И не намѣрень приложись.
У Ломоносова прощенья
Хочу предъ всѣми попросить:
Россійскій Пиндаръ Ломоносовъ!
Хвала и слава славныхъ Россовъ,
Великій, громкій нашъ пѣвецъ,
Учитель нашъ и образецъ!
Прости, что смѣлъ я напроказить
И баснь прекрасную твою
Украсть и шакъ обезобразить!
Прости провинность мнѣ сѣю. —
Я баснь твою украдь для щопу,
Къ моимъ одной не достаетъ;
Своя мысль въ голову нейдетъ,
Хоть я довольно пролилъ поту, —
И послѣ выбившись изъ силъ,
Осмѣлился — (смѣльчакъ!) рѣшиться,
За баснь твою чшобъ ухвашься. . .
Что въ почности и учиниль. —

Мслечъ:

Наполеоновы Шахматы.

Расставивъ шашки по порядку,
Хотѣлъ Наполеонъ играть,
Чтобы въ холодную Камчатку
Шахъ Рускому и всѣмъ вонъ изъ Европы дать.
Придвигиваль онъ шашки спройно

И шель къ Москвѣ спокойно:

Хоть, правда, у него подь часъ
То *лѣшки*, то *коней*, то *лушки* отбирали,
Однако же Москву ему на жертву дали

И къ выгодѣ для насъ.

Но тамъ, когда его порядочно припѣрли,

И Рускіе къ нему дорогу попрошѣрли

И вдругъ, перемѣнивъ игру,

Сказали: *шахъ Царю!*

Вошъ онъ и зашахаль шажищемъ великанскимъ,

По областямъ Германскимъ

И наконецъ дошелъ къ своимъ,

И цѣла Руская *игра* во слѣдъ за нимъ:

Козацкіе *кони*, съ своими сѣдоками

Дарили въ слѣдъ его щелчками —

Инь искры ошъ копышь лешапъ!

Отвсюду на него запрецины свистяпъ;

Тамъ *лушки* Рускія дорогу прокладаюпъ,

Тамъ *лѣшки лѣшекъ* съ ногъ сшибаюпъ.

Оглянется — бѣда кругомъ!

Всѣ *шашки* у него, то взяты, то валяпъ,

А новыхъ нѣпъ, какъ нѣпъ: съ грибами не ро-
дяпъ!

„Давай-ка, думаешь, шахнушь было мнѣ въ
домъ:

Авось — либо еще опшуда и удастся,
Такимижъ съ Рускими *шахами* поквиташься.

Шахнуль — но и опшуда *шахъ!*

Взглянуль — *игра* его разщипана вся въ прахъ! —
Съ тѣхъ поръ ему вездѣ за *шахомъ шахъ* да-
вали,

Покамѣсть въ *уголокъ* загнали;

Тутъ молвили: пора окончишь намъ *игру*,

И — *мать Царю!*

Орестъ Соловь.

8.

Рифмачъ и Смерть.

Одинъ Рифмачъ имѣлъ квартиру у кладбища:
Онъ часто зришемъ былъ славныхъ похоронъ;
Такія зрѣлища всѣмъ Рифмошворцамъ пища,
Есть случай помѣстить имъ въ одѣ ревь и
спонь

И рева своего въ замѣну,

Подъ случай, получишь хорошенькую цѣну;
Такъ какъ имъ бѣднымъ не ревьшь,
Коль могушь выплакать они себѣ обѣдъ?

Въ обѣдену однажды пору

Имѣлъ мой Рифмошкачъ прекрасный апешить,
Но хлѣба нѣтъ куска и не за что купить!
Но вдругъ является его внимательному взору

Умерша дѣвушка богатаго отца,
Которую, для радости пѣвца,
Несли на кладбище — на гору.
Рифмачъ въ восторгѣ! — (будеть сытъ!)

Спрямглавъ ко гробу онъ бѣжиль.

Экспромту въ слезный произносиль

И въ немъ Смерть любу шакъ поносиль:

„Цвѣла и — нѣшь!

„Вошь жизнь и Смерть!

„О Смерть! — лишь надо мной ты наругаешься
можешь,

„Но *и жены моей ты, ни дѣшей не сгложешь —

„Клячусь тебѣ, что я въ семь мѣрѣ не же-
нюсь!“..

— „Ты правъ, я надъ женой швоей не посмѣюсь;

„Куды тебѣ женишься? —

„Кто эдакимъ вралею прельснитесь?

Такъ Смерть поета прервала:

„Но надъ дѣтьми — (хотя и не спа-
раюсь,)

„Твоими я давно ругаюсь!“

Дѣтьми она его шворенья назвала.

Мслвуъ.

Е П И Г Р А М М Ы.

9.

Панегиристу А..... И....

Бывало грѣшныхъ насъ ны всё мориль стихами,
Теперь — ужъ небесамъ скучаешь похвалами;
Я чаю, слушая хвалу себѣ твою,
Святой зѣваешь и въ раю.

Ю.

Когда на станъ ея зриаешь
Иль пѣнье слушаешь ея
Или рѣчамъ ея внимаешь, —
Всё, всё прельщаешь въ ней себя;
Когдажъ въ лице ея заглянешь, —
То ошъ нее ни бѣгать станешь.

II.

Перемѣна платья.

Какъ платью дѣйствуешь, Сударыня, на васъ:
Вчера вы въ бѣленькомъ любите меня божи-
лись,
Сего дня въ темное, къ несчастью, нарядились,
И вошь другому вы кланяетесь сполькожъ разъ!

12.

*Крету, которой называлъ свою любов-
ницу Діаною.*

За что Діаной величаешь
Красавицу, тебѣ которая мила?
Діана мѣшила въ оленей, самъ ты знаешь;
А милая швоя нацѣлила въ осла!

Орестъ Сомдѣвъ.

13.

Р а й.

Какой ты лакомка, Адамъ,
За яблоко всѣхъ насъ обидѣлъ!
Когда бы жилъ тогда *Абрамъ*,
Такъ свѣтъ бы рай доселѣ видѣлъ.
„А ешьлибъ, другъ мой, виноградъ
Былъ искушеньемъ вмѣсто древа?“
— „Тогда пропалъ бы райскій садъ. . . .“
„Такъ правы, братъ, Адамъ и Ева.“

Мслѣвъ.

14.

Кучеру.

Тирру, стой, прохожій, погоди:
Я кучеръ — сиживаль всегда напереди;
Когда же прокаталь здоровье, умъ и силу,
Смерть гаркнула: „ну, ну! вышягивай въ мо-
гилу!

Поди!

Орестъ Сомовъ.

15.

Педанту Силъ.

Въ сію могилу
Педанта положили Силу,
Которой помѣщаль въ себѣ 500 наукъ,
Но голову имѣль пустую, какъ сундукъ.

16.

Турецкому Султану.

Положено здѣсь пѣло Магомеша,
Который былъ спрашилищемъ для свѣта:
Судьбы непоспужима вервь!
Теперь его съѣдаешъ червь.

17.

Пастуху Гончаренку.

Сей мужъ былъ наспырь Любошинскій (*):
Онъ пасъ свиней,
И умъ имѣя свинскій,
Былъ щасливъ въ жизни сей!

18.

Гнѣтъ въ рогожѣ Климъ:
Богъ съ нимъ!

Мслечъ.

19.

*Изъясненіе въ любви одного приказ-
наго (**).*

О ты, всѣхъ прелестей *лалата*
И Президентъ души моей!
Твой взоръ — указъ мнѣ изъ Сената,
Понеже въ волѣ я швоей.

(*) Любошинъ село Валковскаго уѣзда.

(**) Сія пѣска давно очень сочинена и ходитъ по рукамъ. Какъ жаль, что Сочинитель оной неизвѣстенъ! Беру смѣлосшь помѣстить ее въ Х. Д. и надѣюсь, что она понравится моимъ чинашелямъ, Прим: Из:

Твоей прельщенъ я красотою,
Спѣшу въ *секвестръ* себя отдатьъ,
Меня ты можешь за собою
Безъ *пошлинъ*, *справокъ*, отказать.

Въ Архивѣль я когда бываю
Иль въ Канцелярію спѣшу:
Повсюду образъ твой встрѣчаю,
Въ *повытъѣ* я бумагъ ищу.

Клянусь по чести предъ *зерцаломъ*,
Что предъ тобою сущій вздоръ
И самъ Сенаторъ въ платьѣ, аломъ,
Въ мундирѣ шитомъ Прокуроръ.

На вѣкъ твоей я преданъ власи,
Въ *журналъ* любви меня впиши,
Прочти *экстрактъ* нѣжнѣйшей страсти
И *вылисъ* пламенной души.

Взгляни хоть разъ одинъ умильно
Въ *кантору* сердца моего:
Оно трепещеть, бьется сильно
И ждетъ отвѣта твоего.

Твои мнѣ разговоры сладки,
Я подъ *присягой* говорю:
Они пріятнѣй мнѣ, чѣмъ взяжки
Бездушному Секретарю!

Примижь любви моей *прошенье*,
Я предъ тобою *быю* — *челомъ*:
Скрѣпи о мнѣ опредѣленье
Своей улыбкой, какъ перомъ.

И такъ какъ бы процессъ безгласный
Судьбу мою возобнови;
Я буду истецъ самый страстный
Вышеописанной любви.

Коль мѣсто то, которымъ льщуся,
Въ твоёмъ я сердцѣ получу,
Сидѣть въ совѣтѣ откажуся,
Министромъ быть не захочу.

Но коль себя — всѣхъ золь въ добавокъ,
Въ твоей Герольдии буду зрѣть:
Мнѣ легче безъ суда и справокъ
На лобномъ мѣстѣ умереть.

Неизвестный.

II.

П Р О З А.

20.

Письмо изъ Евролы

*Хана Джеалгеира къ Дервишу горы
Удлубегской (*).*

Корень благополучія да прозябнешь на пупи жизни швоей и свяшпосшь швоя да процвѣшешь во вѣки, подобно словамъ Алкорана, великолѣпный служитель Бога Магометова! Благословеніе швое да упрaviшь спопы спранника удаленнаго опшь лучезарныхъ врачъ воспоба, котораго уша не могушь уже вдыхашь райскаго бальзаму швоихъ поученій, котораго взоры блуждаюшь на предмѣшахъ чуждыхъ его сердцу, и уши поражающся звуками незнакомыми, невѣдомыми въ опечесшвъ правовѣрныхъ. Уже шесшь мѣсяцовъ я спраншпвую за предѣлами моря; душа моя ищешь бесѣды швоей, но неизмѣримое проспранштво заключаешь ее въ пусшопшъ и безмолвіи. Ея чувшпованія всегда къ тебѣ обращающіяся, подобно какъ подсолнечникъ къ предводишелю свѣшпиль небесныхъ, ея мысли покоренныя жезлу шво-

(*) Переводъ съ Арабскаго.

ей премудрости, да воспримешь сей листъ копорый Ангель Хранипель да управишь невредимъ къ жилищу священнаго учителя истинной Вѣры. Нѣпть, опецъ мой! я не перемѣнился, я шопъ же каковъ, цѣлуя прахъ швоихъ ногъ, принималъ драгоцѣнное благословеніе руки швоей; каковъ спарался успокоишь нѣжную попечительность швою и спрахъ, дабы удаленіе и забвеніе не соврашили души моей съ пупи благочестія угошованнаго швоими совѣтами. Новоспъ предмѣшовъ видимой мною спраны не можеть поколебать моей привязанности къ благословеннымъ мѣстамъ гдѣ я родился; взоры мои наблюдають не ослѣпляясь; сердце мое чувствуетъ не заблуждаясь; я никогда не опрекусь опданъ справедливости иноплеменникамъ, но въ душѣ моей горитъ неугасимый огонь любви къ опечеству; я благодарю Небо благоволившее назначишь мнѣ рожденіе въ мѣстахъ гдѣ процвѣло древо истинны и благочестія.

Правда, здѣсь все ново, все удивительно для опдаленнаго жителя береговъ Тигра и Ефрата. Прошекая чрезъ сіе великое разнообразіе спранъ и народовъ, онъ почиаетъ себя, подобно Пророку, переносящимся чрезъ седмъ небесъ и со-

зерцающимъ по о чемъ земля ниже понятіи ему не представляла. Прости мнѣ, опецъ мой! сіе выраженіе слишкомъ легкое для Европы. Если истинная вѣра избрала жилищемъ своимъ щасливый спраны востока, если Природа распочила на нихъ свои сокровища, то увѣримся по крайній мѣрѣ что милосердное Небо и самымъ невѣрнымъ не опказываетъ въ дарахъ своей благости. Видя шму нечестія ихъ ослѣпляющую, я живо чувствую превосходство моего отечества; но я путешествую для того чтобы обогатить разумъ мой новыми знаніями, сердце мое ощущеніями и воспоминаніями улаждающими часы печали и дни старости. И то и другое представляетъ мнѣ Европа. Неуполимая жажда моя къ ученію находить неисчерпаемое сокровище въ разнообразныхъ и удивительныхъ успѣхахъ сдѣланныхъ ея жителями въ неизмѣримомъ пространствѣ наукъ; въ наблюденіи ихъ нравовъ, обычаевъ и обхожденія душа моя ищетъ новаго ключа къ тайнамъ человеческого сердца; самое по что мнѣ кажется спранно или смѣшно, доставляетъ моему разуму пищу новостію своихъ впечатлѣній.

Всеобщій миръ царствующій нынѣ въ семь краю свѣша, дѣлаешъ пушешеспвіе мое удобнымъ и занимательнымъ. Недавно всѣ сіи народы спенали среди ужасовъ долговременной и всеобщей брани. Человѣкъ, по мнѣнію однихъ великій, по словамъ другихъ чудовище, но какъ бы то ни было, единственный, ужасный человекъ, въ продолженіи двадцати лѣтъ протрясалъ преспопы ихъ Царей и хотѣлъ утвердить свое владычество на развалинахъ порядка и благоденствія народовъ. Всевышній низринуть его наконецъ въ здну ничпожеспва, котораго бы ему, для блага смертныхъ, не должно было оспавляшъ. Нынѣ всѣ они предаюшся общей и справедливой радости, подобно уцѣлѣвшимъ отъ спрашнаго изверженія огнедышущей горы, благодарящимъ Небо и обнимающимся въ чувствѣ спасенія своего на прупахъ своихъ брашій. Щасливы будутъ, если несправедливостъ, завистъ и корысполубіе не заспавяшъ ихъ вскорѣ забышъ ужасныхъ слѣдспій раздора, и презрѣтъ пь блага приобрѣпеннаго шолікими опытами и злоключеніями!

Смяпеніи обуреавшія Европу, сдѣлали великія перемѣны въ отношеніяхъ

племень ея населяющихъ. Обрѣвши наконецъ путь избавленія отъ бури угрожавшей имъ разрушеніемъ, они постановили новый порядокъ вещей копорый почитаютъ залогомъ будущей своей безопасности, и желаютъ сдѣлать непреложнымъ и непоколебимымъ. Одинъ изъ сихъ народовъ копорого имя, за сию лѣшь предъ симъ, не было включено въ общемъ союзѣ племень Христіанскихъ, нынѣ восходится на вершину славы и могущества. Многочисленность жилищей и неизмѣримое пространство его владѣній даютъ ему неоспоримое первенство на твердой землѣ. Спрашное его соседство прилегаетъ къ границамъ двухъ великихъ Имперій православнаго племени, копорыя Всемогущій Алла да избавитъ отъ бѣдствія подвергнувшись некогда постыдному игу невѣрныхъ!

Другой обитавшій на великомъ островѣ къ западу, присвоилъ себѣ неизмѣримое владычество морей и неизсякаемый источникъ всемірной торговли. Морская его сила, могущество и богатство известны и намъ отдаленнымъ жилищамъ береговъ Персидскаго залива. Его владѣнія защищаемыя непреодолимою оградой мо-

ря и флота превосходящаго силою своею всѣ флоты прочихъ державъ вмѣстѣ, въ продолженіе кровопролитной брани оспались одни неприкосновенными опъ военныхъ опуспошеній. Зависпъ копорую я примѣшилъ къ нему во всѣхъ видѣнныхъ мною спранахъ, и припомъ согласная справедливоспъ какъ бы невольню опдаваемая его Правительспву, законамъ, учрежденіямъ и благососпожняю его, удосповѣряюпъ меня чпо сей народъ копорато опечество для меня еще неизвѣсно, есть изъ всѣхъ ихъ мудрѣйшій и щаспливѣйшій.

Многіе изъ сихъ народовъ еще неизвѣсны мнѣ; однако сколь ни великія опмѣны находяпся между ними, но различіе безмѣрное опдѣляющее ихъ опъ моихъ соопечественниковъ, представляетъ мнѣ ихъ всѣхъ однимъ народомъ. Языки ихъ равно непоняшны для непривыкшаго моего уха, необыкновенное очерпаніе лица, обхожденіе еще болѣе спранное, поселяюпъ въ душѣ моей нѣкакое чувспво сиропспа и уединенія. Одежда короткая и узкая, представляетъ ихъ неприученному къ ней взору моему въ какомъ то унизительномъ для человека видѣ. Европейецъ

спарается сколько возможно обрисовать природныя формы своего плѣла; они, кажется, завидуешь плѣмъ безсловеснымъ тварямъ копорыхъ Всещедрый, милосердуа къ ихъ неспособности и бѣдности, надѣлилъ природными покровами ошъ спужи или зноя. Всего удивительнѣе что чѣмъ болѣе подвигаюсь къ полуночи, плѣмъ сильнѣе кажется мнѣ владычество сей спраспи *къ наготѣ*; я могъ бы заключить что достигши до края Сѣвера нашель бы наконецъ человекъ въ шомъ первобытномъ плѣдномъ соспоаніи копораго грѣхоспаденіе лишило нашего прародителя!

Вижу что и мой видъ, языкъ и поступки, не мѣнѣе возбуждають любопытство и удивленіе жителей сихъ странъ. Однако не могу жаловаться на какой либо знакъ отвращенія или пренебреженія копораго бы имѣлъ причину опасаться чужеспранецъ, вѣрою и нравами столь противоположный жителямъ посѣщаемой имъ спраны. Напротивъ того кажется что здѣсь иностранцу присвоены еще большія права нежели единоземцу; по крайнѣй мѣрѣ признаюсь, что я пользуюсь плѣмъ чего Европеецъ едва ли бы могъ ожидать въ нашемъ опечесствѣ. Магомешанинъ свя-

то хранишь правило предписанное Пророкомъ : онъ предложитъ нѣверному пищу и одежду ; онъ укрепитъ его опшъ бури , успокоитъ опшъ усалоспи . Но прямодушнше его слишкомъ , можетъ бытъ , велико , чшобы скрышь опшвраценше кошорое онъ пишаешъ къ несчастному послѣдова-телю заблужденя . Здѣсь ты не услышишь ни одного слова , не замѣпишь ни одного знака могущаго возбудишь мысль о различш въры и мнѣнш . Здѣсь каждый встрѣчаешъ себя съ улыбкою , изъясляешъ го-повность услужитъ тебѣ , спарается угадашь твою мысль и желанше . Я знаю чшо сше расположенше къ услугамъ ешъ ничто иное какъ , въ вижшихъ , любовь къ прибышку , а въ высшихъ , склонность къ лицемерю кошорое они поспавляютъ себя въ честь ; знаю сколь шрудно най-ши друга въ сихъ народахъ кошытолюбивыхъ и шщеславныхъ . Но какая мнѣ до шого нужда ? Вотъ вамъ золото , презрѣн-ные чада кошытолюбш ! Я не за шѣмъ осшавилъ богатый край востока чшобы искашь у васъ приумноженя моему бо-гатшству . Я не за шѣмъ распался съ срод-никами и со всѣмъ чшо мнѣ драгоцѣнно и священно , чшобы искашь сладостей

дружбы и любви въ обипалищѣ невѣрія. Другъ истинный есть чудо во всѣхъ странахъ, и особенный залогъ благоволенія небесъ. Я доволенъ и благодарю Европу, если обхожденіе ея жипелей (какія бы ни были его причины) доспавляетъ мнѣ еще нѣкоторыя приятности жизни, тогда когда сердце мое томится въ удаленіи отъ всего что ему любезно.

Но просвѣти меня, учитель! ибо мысль моя смятенная сомнѣніемъ, не находитъ прибѣжища кромѣ швоей премудрости. Прекрасныя созданія опредѣленныя Природою раздѣляшь съ нами и услаждашь жизнь нашу, осуждены ли самимъ Всевышнимъ на покорность и неволю которыхъ подвергла ихъ Азія, или имѣютъ природное право на свободу предоспавленную имъ въ Европѣ? Здѣсь женщины предспавляются мнѣ нѣкимъ высшимъ существомъ занимающимъ средину между мужчиною и Богомъ. Мужчина знавшій обязанностію уснуишь мѣсто женщинѣ нижшаго соспоянія; не наблюденіе сего правила есть знакъ невѣжества и варварства. Ахъ! я не могу не видѣшь сколько приятностей распочаетъ обхожденіе съ симъ милымъ поломъ на

жизнь Европейцевъ, какъ самая права ему уступленная служатъ источникомъ безчисленныхъ утѣхъ для обоихъ половъ. Здѣсь взаимное желаніе нравиться заглаживаетъ различіе сословій и чиновъ, иногда даже и лѣтъ. Здѣсь общее признаніе женскаго преимущества водворяетъ болѣе равенства между мужчинами. Здѣсь и самая любовь, принимая болѣе разнообразія, изощряетъ жало утѣхи своей; обоюдныя напряженія спрассей равныхъ силами и средствами, дѣлаютъ побѣду шруднѣе и привлекательнѣе. Наконецъ побѣдитель къ блаженству имъ вкушаемому, присоединяетъ и сладкую увѣренность что получилъ его силою личнаго достоинства.

Нѣтъ! я исповѣдую: я, обладающій чудесами Черкассіи и Грузіи, никогда не вкушалъ сего счастья котораго не лишень, можетъ быть, послѣдній изъ Европейцевъ. Власъ моя неограниченна въ моемъ Серафѣ; воля моя есть законъ и мои спрасси никогда не знали преграды сопротивленія. Но вкушалъ ли я блаженство совершенное? вкушалъ ли небесную отраду видѣшь неліцемерное воздаяніе сердца за мою нѣжность, упиваться мыслию что я одинъ составляю счастье пред-

мѣша любви моей. Могу ли быть увѣреннымъ что если бы власть не удерживала его въ моихъ объятіяхъ, то я не былъ бы имъ забытъ, отвергнутъ, презрѣнъ? Что я говорю? Увѣренъ ли я что случай и вѣроломство не предали уже меня поруганію, въ то время когда я предаюсь надеждѣ и безопасности? Презрѣнные чада подлости и рабства, едва доспойные имени человѣческаго, которыми я ввѣриль сокровища моего благополучія, могутъ ли быть достойными порукъ моей безопасности? Можетъ быть въ сію минуту!... Праведное Небо! если злодѣй не премѣнно долженъ оскорбить меня, то по крайнѣй мѣрѣ не лиши меня опрады омыль руки въ ненавистной крови его!

Самыя тѣ пороки которыми владычество повсемѣстно, Европа сблекла въ одежду споль же особенную какъ и одежда ея жишелей. Здѣсь ты не увидишь ненавистной суровости, скопскаго пренебреженія, опличающихъ гордость большей части нашихъ Хановъ и Емировъ, и споль чуждыхъ душъ моей взлелѣянной млекою швоей добродѣтели, о мудрѣйшій изъ человѣковъ! Покрайнѣй мѣрѣ сія слабость предоспавлена здѣсь однимъ

жалкимъ шварямъ копорыя возникнувъ изъ праха или грязи, сами удивляются высотѣ ими занимаемой. Порода и досшапокъ изобрѣли другія средства опдѣлить себя отъ черни и низшихъ сословій: свободная проспопа, видъ самодовольствія и безопасности, крайняя учшивость внушающая почшительное опдаленіе, опличаютъ того кому рожденіе дало и ключиштельное право на почестъ и уваженіе. Онъ не почшяетъ за нужное бить въ набашъ о своихъ преимуществахъ: видъ его, обхождение и поступки непринужденныя и вольныя, возвъщаютъ сами собою что сіи преимущества суть природное его доспованіе и не ослѣпляютъ его. Ахъ! если пороки неразлучны съ общежитіемъ, то не должно ли желать покрайнѣй мѣрь чтобы вездѣ хотя легкая маска скрывала ихъ гнусность отъ взоровъ оскорбляемаго человечества, и услаждала несчастіе того кто дѣлается ихъ жертвою.

Но ширанны владычествующіе неограниченно въ душахъ Европейцевъ, суть самолюбіе и шщеславіе. Самолюбіе и шщеславіе ихъ боги копорымъ они жертвуютъ испинною и совѣстію и самымъ шѣмъ Богомъ копораго вѣру уша ихъ исповѣду-

юсть. Нѣкогда равенство было спрашю ихъ предковъ пребывавшихъ въ варварствѣ; дикая гордость ихъ не позволяла имъ признавать власти превыше собственной своей воли. Уступя необходимости гражданского благоустройства, попомокъ ихъ покорилъ волю свою законамъ власти-пеля, но желаніе равенства успремилъ на то чтобы никому не уступилъ въ почести и богатствѣ или, лучше сказать, въ роскоши. Богатство есть независимый даръ фортуны здѣсь какъ и вездѣ, но Европеецъ не хочетъ чтобы богатѣйшій его превзошелъ его въ роскоши и блестящей наружности. Здѣсь все обращено на то чтобы блистать и удивлять. Здѣсь видя большую часть распочипелей, не думай поспавилъ ихъ наряду съ шѣми копорые въ нашемъ опечесствѣ не превосходятъ ихъ своимъ распоченіемъ; ты бы обманулся. Благодаря справедливости понятій и чистотѣ нравовъ Музульманскихъ, наша роскошь есть дочь изобилія; достойно и праведно чтобы токъ кому судьба дала въ удѣлъ избытокъ и богатство употреблялъ ихъ на наслажденіе своихъ чувствъ и на вспомошествованіе ближнимъ. Здѣсь же распочающій

ищешь не наслаждаешься, но превзойти другого или поравняться съ нимъ; еще болѣе того, онъ лишаетъ себя необходимаго чтобы блеснуть излишествомъ. Здѣсь ты увидишь господъ которые содержатъ толпу музыкантовъ не имѣющихъ одежды, кромѣ какъ во время оппразвленія своей должности; и такихъ которые даютъ пиршества въ щопъ Государственныхъ подапей, и такихъ которые разводятъ у себя плоды Персіи и Кипая, и ужинаютъ одною картофелью. Здѣсь нѣтъ нужды до того что происходитъ во внутренности семейства, щасливо ли оно въ наспоищемъ, безопасно ли на предбудущее время. Минута пребуешь блеску: если наружность удовлетворена по цѣль исполнена. А щопъ кому форшуна дала достпачные способы удовлетворять и необходимости и внѣшности, слѣдуетъ одинъ безстрашно пушемъ удовольствія, и видишь тысячи своихъ соперниковъ претерпѣвающихъ кораблекрушеніе. Безумные! они подобны щѣмъ искусственнымъ огнямъ которые дерзко успремляясь, кажутся, хотпая достигнуть селенія звѣздъ, но съ шумомъ издыхая въ пушяхъ воздуха, возбуждаютъ смѣхъ и веселіе зрите-

лей. Здѣсь еще увидишь записнаго домо-строипеля нешланищаго своихъ долговъ; здѣсь увидишь наконецъ провозглашеннаго въ вѣдомостяхъ благошворипеля кошорый, обогащая подлюю наложницу, лишаепъ свое семейство родительскаго dospоянiя. Ты видишь премудрый Дервишъ! знакома ли добродѣшель въ семь краю, добродѣшель, дщерь неба и подруга швоя, состоящая въ шомъ чптобы помогашъ бѣдчымъ, унижапъ гордоспъ невѣрныхъ, а паче свою собственную, хранишь посщъ и молишву, и съ восхожденiемъ и захожденiемъ солнца каждый день омывашъ чистюю водою скверны шѣла и души.

По сей причинѣ слово добродѣшель во все не упошребипельно въ здѣшнемъ общажипii; за шо чеспъ еспъ любимое слово Европейскихъ языковъ, чеспъ замѣняепъ ее здѣсь совершенно. Эшо шакже исчадiе равенснва, шакже желанiе казашъя инымъ нежели шѣмъ, кпо, чпо еспъ, наглое шребованiе подлаго не слышъ подлымъ, преступника преступникомъ. И они обожаютъ свою чеспъ! Научи мѣня, безгрѣшный! нужна ли защита сего привидѣнiя шому кпо исполняетъ велѣнiя Божiя, и чеспъ въ своей совѣспи, нужно ли ему

мнѣніе людей, и добродѣтель, если бы и была ими омрачена, не должна ли нѣкогда возсіянь вянущимъ свѣтомъ? По крайнѣй мѣрѣ я не вижу еще никакихъ благодѣтельныхъ дѣйствій понятія о чести; я вижу порожество порока вызывающаго къ чести, когда безсильная правда не въ состояннн доказать очевиднаго пресупленія; я вижу что законъ медленный и дряхлый, часто спрашившя приступишь къ изслѣдованію пресупленія, дабы не оскорбишь щекопливаго чувства чести; вижу и благословляю нравы Музульманскіе гдѣ правитель, силою врученной опть Вышняго Царямъ безпредѣльной власти и меча правосудія, попираешъ ногами всѣ изобрѣшенія лукавства, и посякаешъ зло въ его корнѣ.

Тяжкое бѣдствіе угрожаешъ оскорбителью чести: его ожидаютъ припѣсенія ябеды или личное мщеніе обиженнаго. Сіе послѣднее кажется мнѣ согласнѣе съ здоровымъ разумомъ; ибо непріятели съ оружіемъ въ рукахъ призываютъ рѣшителемъ вражды своей праведное небо и непреложное предопредѣленіе судьбы: (если только суешныя распри чести достойны вниманія Всевышняго). Но лукавство Европейское изобрѣло способъ безнаказанно

поражають и сіе ужасное чудовище нарицаемое *честію*. Мспипельность въ окнахъ зашрудненія естъ масть ухищренія и низости; такъ называемый *паквилль* естъ ея вѣрнѣйшее орудіе: бумага неопкрывающая имени сочинителя, проливаетъ въ публику всѣ порицанія и укоризны копорья досада или клевета могутъ изблевать на обезоруженнаго врага. Легкость и соблазнительность сего пуши къ опмщенію, часто противному справедливости, заставила законы принявъ мѣры къ искорененію сего зла: въ случаѣ неизвѣстности сочинителя, бумага представляющая его лице, всенародно сожигается рукою палача. Но средство сіе очевидно не достапочно къ укрощенію рѣшительнаго пресупника, а еще мѣнѣе къ удовлетворенію обиженнаго. Большею частію порода и истинное величіе поспавляютъ себя выше обиды, и пренебрегая оною, не упопробляютъ сего бесполезнаго удовлетворенія; и опытъ удостовѣрилъ что молчаніе естъ лучшее средство укрощить злословіе.

Я окаичиваю письмо. Свѣтъ моего разума и опецъ помышленій моихъ! я приношу тебѣ жершву чувспвованій и на-

блюденій внушенныхъ числою вѣрою въ швое ученіе, и желаніемъ озарить себя вящимъ свѣпомъ швоего знанія; удостой усладить мой духъ опшвѣпомъ швоей премудрости, покажи мнѣ путь избѣгнушь опъ челюспей заблужденія, и управляй склонноспями и движеніями души моей, какъ Всевышній управляетъ свѣпилами небесными. Я доспигъ до средопочія Европы, во владѣнія Короля Пруссаго; не знаю еще въ копорую спорону обрацу мой путь; не знаю скоро ли предспанетъ случай еще бесѣдовать съ шобою. Мысль моя будетъ всегда парить къ спранѣ воспока откуда сіяетъ ко мнѣ свѣпная звѣзда правовѣрія.

III.

С М Ъ С Ъ.

I.

(*Пѣсня Лапландская.*)

Скачи, любезный Лось! скорѣ,
Лети къ подругѣ дорогой:
Еще скорѣй, еще быстрѣ,
Любезный, милый Лосикъ мой!

Лети — ты знаешь путь далекій
Къ сударкѣ радости моей; —
Да будь проворнѣ, жестокій!
И ногъ быспрѣйшихъ не жалѣй.

Когда бы было въ власти нашей,
То ябъ на эши тучи сѣлъ
Которы идутъ къ юртѣ вашей,
И въ мигъ къ тебѣ бы прилетѣлъ!

Ахъ! крѣпче цѣпи что железной?
Кто цѣпь железу перерветъ? —
Подобно, отъ моей любезной
Никшо меня не опорветъ!

Вотъ скоро, скоро, къ ней прибуду:
Тогда во весь я крикну рошь,
Когда голубку видѣнь буду
Гуляющу вблизи болоть. —

Скачи, любезный Лось! скорѣе,
Леши, къ подругѣ дорогой,
Еще скорѣй, еще быспрѣе,
Любезный, милый Лосикъ мой!

Леши — теперь ужь недалёко,
Къ сударкѣ радости моей!
Не поступай со мной жестоко,
И ногъ быспрѣйшихъ не жалеи!

Мслвчъ.

2.

Э К С П Р О М П Т Ъ.

Е. В. К—вой

(въ день ея Ангела.)

Угрюмый Царь суровыхъ непогодъ,
Присяжный врагъ весенней нѣги,
Хотѣлъ было опять рядить Природу въ снѣги,
И спрягать ручейки подъ лёдъ; —
Но вспомня что съ симъ днемъ твоей праздникъ
приближался,

Неволею Эоль впервые размѣлся,
Разгладя пасмурно чело;
И — снова солнышко взошло!

О. Сомовъ.

3.

Къ Вертеру.

Тебѣ подобно я спрадаю,
О бѣдный Вертеръ! опъ любви,
Тебѣ подобно ощущаю
Я пламень гибельной въ крови!

Ты мучился — и я спрадаю;
Ты скучень былъ — и я грущу;
Ты слезы лиль — и я рыдаю,
Какъ ты, пустынныхъ мѣстъ ищу.

Жестокій Гименъ раздѣляетъ
Шарлоту нѣжную съ тобой,
Богатство, знатность разлучаетъ
Мою любезную со мной!

* *

4.

Въ Альбомѣ одной дѣвицы.

(Подъ рисункомъ на коелъ изображена Богиня
щастья, спящая у дверей шалашика.)

Спокойство въ хижинахъ! пипомцы Музы меч-
пающъ,

И щастье у вброшь шалашика кладущъ.

Здѣсь щастье и покой въ черпогахъ обипающъ —

Съ щобой — вездѣ они живущъ!

О. Соловьѣ.

5.

А к р о с т и х ъ.

Какъ роза нѣжная, весеннею порою
Алѣя, взоръ къ приятностямъ манишь,
Такъ Хлоя милая своею красотою
Являясь, всѣхъ сердца любовью пламенишь!

* *

6.

*Н а д г р о б ѣ е
Философа Демокрита.*

Оставимъ знакъ и мы предбудущимъ попом-
камъ:

Да знаешь нѣкогда по гробовымъ обломкамъ

Чшо я на эшомъ свѣшѣ жилъ,

Что въ немъ я *больше* весель былъ,
Что значить: *меньше* огорчался,
И живши — *цѣли* доискался!

7.

(*Пѣснь Надобесская.*)

Встану я до взохода солнца,
На высокѣй спану холмъ,
Чтобъ узрѣть какъ прогоняешь
Черны тучи новый свѣтъ.
А какъ Солнце закатиться,
О Луна! даруй мнѣ свѣтъ,
Чтобы могъ я безопасно,
Опягченный дичиной,
Возвратиться въ мой шалачикъ,
Дѣточекъ обнять, жену,
Съ ними дичины покушать,
И на мягкихъ лисьяхъ лечь.

Мслвчъ.

8.

Упреки ума — сердцу.

— Ты рвешься, другъ? — Ахъ больно
Терпишь невинно клеветы. . . .
— За чѣмъ такъ много доброты?
— За чѣмъ такъ пламенны твои мечты?

- На что ты *Ангела* воспѣло красоты?
— На что поспавило въ стихахъ А. Д. С. ты? (*)
— За чемъ въ рѣчахъ твоихъ споль вѣрныхъ
чершы?

— Короче: для чего не пропѣе, — а ты,
Такъ поступаешь вольно?....

Довольно!
Зеленскій.

9.

Р е ц е л т ъ.

(Какъ дѣлать уксусъ 4 хъ разбойниковъ.)

(Съ Французскаго.)

Возьми большой кошель съ полудою безъ крана;
Брось *Нея* и *Даву*, да храбраго *Бертрана*,
Прибавь Полиціи Министра *Савари*,
И долго на огнѣ составъ ты сей вари,
Охолодя его, симъ средствомъ ты дойдешь —
И уксусъ *четырехъ разбойниковъ* найдешь.

С.

(*) Это для тѣхъ, которые упрекають меня будто бы стихи къ А. Д. С. напечатанные во второмъ Но. X. Д. относятся къ извѣстной особѣ. . . . которой я не имѣю чести знать. И пакъ долгомъ поспавляю поржеспвенно подшвердить что стихи мои написаны особѣ. . . . иногородной. Э.

И Издапель для сего единкшвенно помѣщаешь эту спашейку. Мъ

Ю.

Г. Квитка

въ опвѣпъ на его *не хачу*.

Квитка' хочешъ удивиться?
Слушай! — право не шучу:
Коль желаешъ пы женишься,
За себя иди *хачу*.

*

Ты меня со всѣмъ не знаешъ:
Што шупъ нужды? — не бѣда.
Черезъ годъ меня спознаешъ;
Въ свѣтѣ такъ живушь всегда.

*

Бракъ вишь *Польскому* подобень:
Кто попался — съ тѣмъ иди.
Коль не ловокъ, не угодень —
Вошь опхлопнушь. . . погоди!

*

За мужъ я давно желаю;
Мнѣ тридцатая весна,
Не въ дурныхъ себя щитаю,
Зубы всѣ, лицомъ красна.

*

Спрройной станъ и ростъ годишься,
Волось дологъ — темнорусъ,
Я умбю нарядишься,
Къ лицу шалью завернусь.

*

По Нѣмецки разумѣю,
En français je parle très-bien,
Я въ компаньи не нѣмѣю,
Пѣть гошова цѣлой день.

*

Есть *бурмицкаго* двѣ нипки,
Фермоаръ — и *перстенѣкъ*,
Но за то ужъ ни кибишки:
Всѣ прибралъ къ себѣ зятѣкъ.

*

Есть *обородокъ* соння съ лишкомъ,
Денжуры лишь *тридцать* лять,
Деревенька есть съ домишкомъ:
Славно можно поживатьъ.

*

Лишь во снѣ я молчалива
И скромна, шиха, добра,
Но проснусь — бѣда: — бранчива,
Цѣлой день шумлю съ упра.

*

Спало я во всемъ какъ должно,
И невѣста хоть куда!
Одного лишь скрышь не можно.
Да не очень и бѣда:

*

Коль женой швоею буду,
Не взыщи! мой другъ на мнѣ:
Ужъ *старина* не забуду,
Коль опхлоннуть, такъ. . . . Adieu!

*

Вотъ условье — ну! рѣшайся!
И суріозно — не шучу.
Опиши себя, не пался;
Вѣрно вскрикнемъ мы: *хагу*. (*)

а. на.

(Не въ Слободской Губерніи.)

II

Каламбуръ.

Люблю я знать,
Да не всегда,
А иногда
И знать,
Не дай Богъ *знать!*

.

(*) Издатель, (благодаря прежде опкровенную Незнакомку за доставленіе сей піесы) смѣешь увѣришь ее что Г. К. вѣрно не будешь такъ неучивъ чшобъ опринулъ ея прозвбу.